

Б. Н. Тихомиров

**ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО
(В связи с находкой
его заграничного паспорта 1918–1921 гг.)¹**

Настоящие заметки возникли в процесс чтения содержательного и волнующего сообщения Г. Ф. Коган о ее находках важных документов, связанных с последними годами жизни старшего сына Ф. М. Достоевского — Федора Федоровича². Так получилось, что эта публикация оказалась приуроченной к двум памятным датам: 28 июля 2001 г. исполнилось 130 лет со дня рождения сына писателя, а 4 января 2002 г. исполняется 80 лет со дня его смерти. Но научное значение сообщения Г. Ф. Коган далеко выходит за рамки рядовой публикации «по случаю». Исследовательница сосредоточивается главным образом на новых документах, которые она вводит в научный оборот, но представляется, что их значение в полной мере может быть раскрыто при рассмотрении в более широком контексте, где они предстают как звенья единой цепи многообразных фактов, взаимодополняющих и поясняющих друг друга. Тот импульс, который я постоянно ощущал, знакомясь с сообщением Г. Ф. Коган, который не позволял лишь «принять к сведению» факты, приводимые исследовательницей, но понуждал постоянно возвращаться к общей картине событий, соотнося известное ранее с новыми данными и открывая дополнительные детали и нюансы, которые не были видны и понятны вне такого соотнесения, — этот импульс и вызвал к жизни настоящие заметки.

Судьба, личность Федора Федоровича Достоевского не получили до сих пор должного освещения в исследовательской литературе. Ему в этом отношении повезло гораздо меньше, чем другим членам семьи Ф. М. Достоевского. Среди публикаций последних лет, может быть, единственным исключением является изданная В. Н. Абросимовой переписка Ф. Ф. Достоевского с матерью в 1917–1918 гг.³ Но и в данном случае внимание публикатора прежде всего привлечено к судьбе Анны Григорьевны Достоевской

¹ См. сообщение Г. Ф. Коган «Заграничный паспорт Ф. Ф. Достоевского 1918–1921 гг.», опубликованное на стр. 153–159.

² Младший сын писателя Алеша умер 16 мая 1878 г., не достигнув и трехлетнего возраста.

³ См.: А. Г. Достоевская. Последний год жизни в воспоминаниях и письмах // Достоевский и мировая культура. М., 2000. № 14. С. 264–295.

в последний год ее жизни, письма же к ней сына печатаются наряду с письмами других корреспондентов вдовы писателя⁴. Так что исключение и здесь подтверждает правило. И поэтому в высшей степени отрадно, что сегодня на страницах альманаха публикуется сообщение Г. Ф. Коган, целиком посвященное личности Ф. Ф. Достоевского; вводятся в научный оборот ценные архивные документы.

Отсутствие до сего дня специальных исследований, посвященных судьбе сына писателя, тем более необъяснимо и должно быть расценено как серьезный пробел в современном достоеведении, что с именем Ф. Ф. Достоевского связан ряд обстоятельств, установление которых, как верно поставлен вопрос в сообщении Г. Ф. Коган, важно для уяснения судьбы пропавшей части рукописного архива Достоевского, который дошел до нашего времени далеко не полностью⁵. Если до 1917 г. А. Г. Достоевская, вдова писателя, прилагала серьезнейшие усилия по сохранению, систематизации, частичной публикации творческого наследия мужа, то бурные события революционных лет нанесли серьезный урон архиву Достоевского: судьбы многих рукописей после лета 1917 г. и по сей день остаются для исследователей загадкой, тревожащей воображение. «Расплясались, разгулялись бесы / По России вдоль и поперек...», — писал в эти годы Максимилиан Волошин. Бесовский разгул этой эпохи в полной мере коснулся и архива великого обличителя бесовства. В результате сегодня мы недосчитываемся многих рукописей Достоевского — не только «Братьев Карамазовых», — о существовании которых вплоть до 1917 г. имеются точные документальные свидетельства.

Тем больший интерес вызывают любые, даже мельчайшие факты биографии Ф. Ф. Достоевского в 1917–1921 гг., ибо по смерти отца именно он становится (по достижении совершеннолетия) юридическим наследником рукописного архива Достоевского⁶. Сугубый исследовательский интерес в этом отношении вызывает жизненная драма, разыгравшаяся в семье

⁴ Также см.: А. Г. Достоевская. Последний год жизни в воспоминаниях и письмах // Достоевский и мировая культура. М., 1999. № 12. С. 231–253.

⁵ В содержательном докладе на ту же тему, прочитанном Г. Ф. Коган на конференции «Достоевский и мировая культура» в петербургском музее Ф. М. Достоевского в ноябре 1997 г., исследовательница касалась и других направлений в поисках утраченных рукописей писателя (прежде всего рукописи романа «Братья Карамазовы»), связанных с именами А. Г. Достоевской (киевский, адлерский «след») и Е. П. Достоевской (скадовский, симферопольский «след»).

⁶ И на этой почве, по-видимому, между Ф. Ф. Достоевским и его матерью, А. Г. Достоевской, даже возникали определенные правовые конфликты, о чем, например, позволяет заключить приписка в завещательной тетради жены писателя против записи о том, что ею, А. Г. Достоевской, 17 февраля 1907 г. подарена внуку Федиду рукопись романа «Братья Карамазовы». Приписка эта гласит: «Рукопись эта, по разъяснению Федора Федоровича, **принадлежит ему, как главному наследнику прав на сочинения его отца**» (Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 7). Смысл ее, видимо, в том, что в какой-то момент Ф. Ф. Достоевский оспорил право матери дарить рукописи отца даже его собственному сыну. О возможных причинах, вызвавших этот семейный конфликт см. мой комментарий в кн.: Письма из Maison Russe. Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции. СПб., 1999. С. 261.

Достоевских летом 1918 г., когда в Ялте, в гостинице «Франция», на 72-м году жизни 9 / 22 июня в полном одиночестве умирает А. Г. Достоевская и ближайшие родственники не имеют возможности пробраться через кольцо фронтов на ее похороны. Картину событий, намеченную Г. Ф. Коган, можно дополнить некоторыми существенными деталями. Гроб несколько недель стоит не погребенный в церковном склепе — ждут сына, невестку⁷, но, не дождавшись, хоронят на Аутском кладбище. Имущество, оставшееся после смерти вдовы писателя (в том числе и какая-то часть архива⁸), находится в чужих руках. И только поздней осенью, с невероятными трудностями, Федор Федорович добирается до Крыма, оформляет документы на наследство. А потом? Из книги М. В. Волоцкого (со слов гражданской жены Ф. Ф. Достоевского Леокадии Михаэлис) известно, что целых три года сын писателя не имел возможности вернуться в Москву⁹. Когда же вернулся, летом 1921 г., то вскоре, при не вполне проясненных обстоятельствах, умер. Где находился он эти три года? Какова судьба той части архива, которую он получил в Ялте после смерти матери? При каких обстоятельствах он вернулся с юга в Москву? Что из архива оставалось в московском доме Ф. Ф. Достоевского после его смерти? Пусть и не в полной мере, отрывочно, частично документальные материалы, публикуемые Г. Ф. Коган, помогают приблизиться к решению этой проблемы. Прежде всего, конечно же, это заграничный паспорт Федора Федоровича Достоевского, который ныне хранится в фондах Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Петербурге (дар Е. А. Медведенко при посредничестве Г. Ф. Коган).

Г. Ф. Коган в своем сообщении приводит текст, помещенный на стр. 2–3 паспорта: «Предъявитель сего *Российский гражданин Федор Федорович Достоевский* — 47-ми лет отправляется за границу в Украину, во свидетельство чего и для **свободного проезда** дан сей паспорт с приложением печати. В *Москве* *Августа 24 дня 1918 года*»¹⁰. Печать: «Иностранный Отдел Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов». Отмечу, что эти же данные повторены на страницах 18–19, являющихся отрывными талонами (с перфорацией), где читаем: «Талон. Выдан *Иностр. Отд. М.С.Р. и Кр. Деп.* 1918 г. *Августа 24-го дня*, за № 1320 *Росс. гр-ну Ф. Ф. Достоевскому*». Ниже отведено место для «отметки штемпелем о выезде за границу» (на странице 19 также и «о возвращении из-за границы») и внизу страницы пояснено: «Сей талон отрезывается в пограничной Таможне,

⁷ Екатерину Петровну Достоевскую (о ней см.: Письма из Maison Russe). Дочь Достоевского, Любовь Федоровна, с 1913 г. безвыездно находилась за границей. Ее переписку с матерью в 1917–1918 гг. см.: Достоевский и мировая культура. № 12. С. 239–250.

⁸ Данные о том, что, отправляясь весной 1917 г. из Петрограда на юг, А. Г. Достоевская берет с собой часть рукописного архива, см.: *Орнатская Т. И.* К истории утраты рукописей романа «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 184–185.

⁹ См.: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М., 1933. С. 143 (здесь ошибочно вместо дат 1918–1921 гг. напечатано 1919–1922 гг.)

¹⁰ Текст, вписанный чернилами, публикуем курсивом.

в доказательство явки паспорта». Однако оба талона остались не оторванными, и отметок о выезде за границу и об обратном въезде также не представлено. Остается без ответа: где и когда Федор Федорович пересек границу Украины? Да и была ли тогда эта граница?

Тут очень важно учесть исторический контекст, более подробно представить себе военно-политическую ситуацию. По решению 1-го Всеукраинского Съезда Советов в декабре 1917 г. Украина была провозглашена Советской республикой и вступила в федеративные отношения с Советской Россией. Но уже в апреле в результате немецкого вторжения советская власть там была разгромлена. 29 апреля была учреждена «Украинская держава» во главе с гетманом Скоропадским, но фактически на Украине хозяйничали немцы (того же 29 апреля, нарушив условия Брестского договора, немецкие войска вошли в Ялту). Да и сама Советская Россия в конце лета 1918 г. находилась в тесном кольце фронтов. Так что дороги эпохи Гражданской войны и иностранной интервенции были путанными и неверными. Старые правила, предписанные МИДом Российской империи, при всем желании невозможно было исполнить. «Свободный проезд» через границы, который санкционировала и гарантировала «зеленокожая паспортина», в этих условиях был возможен разве что на «тот свет». И тем не менее Иностранный Отдел Московского Совета аккуратно заполняет графы отрывных талонов заграничного паспорта Ф. Ф. Достоевского.

Благодаря находке Г. Ф. Коган, мы теперь точно знаем исходную дату: 24 августа 1918 г. — это отправная точка пути Ф. Ф. Достоевского в Крым. Что известно на этот момент о сыне писателя из других источников? Очень немного.

В ЦГАЛИ СПб, в фонде А. Ф. Достоевского, внука писателя (ф. 85, оп. 1, ед. хр. 135), хранится письмо Ф. Ф. Достоевского от 27 августа 1918 г. в Петроград к Андрею Андреевичу Достоевскому. Письмо написано через три дня после получения заграничного паспорта. Сообщая, что он уезжает на юг, в Крым, Федор Федорович просит своего двоюродного брата присмотреть за его квартирой на Фурштаттской улице. Квартира опечатана еще в 1917 г., когда сын писателя уезжал в Москву, за нею присматривает швейцар. Но в такое ненадежное время необходим присмотр и близкого человека.

Это чрезвычайно важное свидетельство: на момент отъезда Ф. Ф. Достоевского на юг его петроградская квартира (со всей обстановкой, вещами и т. п.) оставалась опечатанной под наблюдением швейцара. 28 апреля 1943 г. в румынской газете «Виача» была опубликована статья, автором которой был главный редактор газеты Г. Ганя, встречавшийся в 1942 г. в Симферополе с женой Федора Федоровича — Екатериной Петровной Достоевской. Статья во многом написана в результате бесед Г. Ганя с Екатериной Петровной, но часто наполнена тенденционными измышлениями, поэтому к свидетельствам ее надо относиться осторожно. Упомянута в статье и петроградская квартира Ф. Ф. Достоевского. «Дом в Петербурге, откуда бежали потомки писателя, — пишет Г. Ганя, —

остался под охраной верного швейцара, которому удавалось в течение нескольких лет спасти дом от разграбления. В конце концов и самого швейцара постигла участь семьи, которой он так преданно служил. Ночью по приказу народного комиссара швейцар был убит, а на следующий день в доме обосновалась большевистская организация»¹¹. До последнего времени это было единственное свидетельство о судьбе квартиры Ф. Ф. Достоевского на Фурштаттской. Свидетельство очевидно фантастическое или очень сильно преувеличенное. Но осенью 2001 г. в Музей Достоевского в Петербурге были переданы чудом сохранившиеся некоторые вещи из этой квартиры (кресло, кровать, шкатулка). Их передали две пожилые женщины, Ю. П. Соловьева и А. П. Новикова, — внучки рабочего-большевика Михаила Яковлевича Игнатова, семье которого, жившей в подвале этого же дома, после реквизиции и была передана квартира сына писателя. «Квартира была огромной, обставленной красивой добротной мебелью. В одной из комнат размещалась шикарная библиотека с прижизненными изданиями Достоевского на разных языках»; «...мебель деревянная и мягкая кожаная, хрустальные люстры, горка с миниатюрной фарфоровой посудой. Кроме мебели в квартире была литография Сикстинской Мадонны в богатой золоченой раме, две роскошных напольных вазы и две настольных...» Обращение к справочнику «Весь Петроград» подтвердило, что, действительно, в 1920-е гг. столяр М. Я. Игнатов проживал в бывшей квартире Ф. Ф. Достоевского на Фурштаттской ул., дом № 27. Новые жильцы полагали, что бывшие хозяева бежали от революции за границу, свободно распоряжались их вещами. Библиотека за ненадобностью была отнесена в Торгсин, туда же ушел какой-то фарфор. Мебель же, другая обстановка сохранилась: ее даже давали в приданое, когда дочери и внучки выходили замуж... Но документы, переписка, архив? Об этом Юлия Павловна и Ариадна Павловна ничего не могли рассказать...

Есть одна странная особенность в письме Ф. Ф. Достоевского к двоюродному брату в Петроград в августе 1918 г. Сообщая Андрею Андреевичу, что уезжает на юг, Федор Федорович ни словом не упоминает о смерти матери, в письме нет даже имени Анны Григорьевны. Знал ли он вообще о ее смерти? Бесспорно, знал и предпринял такую сложную, рискованную поездку с определенной целью — побывать на могиле матери, оформить документы на наследство, забрать оставшиеся по смерти Анны Григорьевны вещи и, может быть, главное — архив. Но откуда Ф. Ф. Достоевский получил скорбное известие? По условиям времени далеко не сразу, спустя месяц после кончины вдовы писателя, в столичных газетах и журналах появились немногочисленные некрологи. Первым, по-видимому, откликнулся на известие о смерти А. Г. Достоевской критик Д. В. Философов в петроградской газете «Наш век» от 24 июля 1918 г., позже в петроградских же «Новых ведомостях» от 3 августа (вечерний выпуск) поместил некролог Н. Слонимский. Так что же, о смерти матери Ф. Ф. Достоевский узнал из

¹¹ Письма Е. П. Достоевской и С. А. Старикова к А. Л. Бему // Достоевский и мировая культура. СПб., 2000. № 15. С. 265.

газет? Нет, есть основания утверждать, что о произошедшем в Ялте его известили практически сразу.

З. С. Ковригина, сиделка, ухаживавшая за Анной Григорьевной в последние недели ее жизни, писала в своих воспоминаниях: «Тело ее долго стояло в цинковом гробу в склепе собора. Ожидали сына или невестку, которые должны были приехать на похороны. Спустя много времени **они дали знать, что выехать не могут**. В середине июля А. Г. была похоронена...»¹². Значит, была переписка, телеграммы, в которых обсуждалась возможность приезда Федора Федоровича в Ялту. И, видимо, поэтому было отменено назначенное на 27 июня погребение. Первоначально газета «Ялтинский голос» (от 26 июня 1918 г.) оповещала: «Перенесение тела Анны Григорьевны Достоевской состоится в среду 26 июня в 5 часов вечера из нижней церкви в верхнюю в Александро–Невском соборе, и в 7 часов вечера будет панихида. В четверг 27 июня заупокойная литургия, отпевание». Но на следующий день в той же газете сообщалось: «Отпевание Анны Григорьевны Достоевской отменяется до приезда родных»¹³.

О том, что переписка действительно была, свидетельствует в своем письме в редакцию парижского журнала «Возрождение» невестка Анны Григорьевны — Е. П. Достоевская, которая с осени 1917 г. находилась с детьми в Скадовске на Черном море: ей трижды приходили телеграммы о серьезной болезни и затем смерти свекрови. Вот как она об этом рассказывает: «3-го июня я получила телеграмму из Ялты о серьезной болезни Анны Григорьевны. Это, по несчастью, совпало с первой попыткой немцев взять Крым¹⁴. Я немедленно обратилась к немецкому генералу Виндшейту, прося дать мне возможность проехать в Ялту; он наотрез отказал мне, сказав, что не имеет права позволить мне проехать по сфере боев, подвергая меня опасности. Вторая телеграмма сообщила мне о смертельной опасности болезни Анны Григорьевны, а третья телеграмма о ее смерти»¹⁵. Скадовск, порт на Черном море, был относительно недалеко от Ялты, и если бы не боевые действия, Екатерина Петровна, возможно, могла бы успеть приехать проститься со свекровью. Добраться же в Крым из Москвы было в условиях Гражданской войны неизмеримо сложнее, сопряжено с риском для жизни. Скорее всего, этим обусловлено нежелание Анны Григорьевны сообщать о своей болезни сыну. В упомянутых выше воспоминаниях З. С. Ковригиной так передается предсмертная воля жены писателя: «За несколько дней до смерти близкое А. Г. лицо хотело телеграфировать ее сыну Федору Федоровичу о ее тяжелом состоянии. Услышав его разговор с врачом, А. Г. энергично запротестовала: „Не надо его беспокоить. Когда умру — тогда сообщите“»¹⁶.

¹² Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М., 1924. Т. 2. С. 590.

¹³ Цит. по: Гурьева–Смирнова Н. А. Анна Достоевская. Роман. М., 1993. С. 328.

¹⁴ Немецкие войска вошли в Крым в апреле 1918 г.

¹⁵ Возрождение (Париж). Тетрадь восьмая. Март–Апрель 1950. С. 200.

¹⁶ Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Т. 2. С. 590.

Правда, Г. Ф. Коган упоминает (и даже частично цитирует) черновик телеграммы А. Г. Достоевской сыну, которую, по ее мнению, мать отправляет ему незадолго до смерти. Мне такая интерпретация этого документа представляется сомнительной. Приведу текст черновика телеграммы полностью: «Федору Дост<оевскому> Пяти<горск> <отель> „Брист<оль>“ Выезж<ай> слаба». Уже первопубликатор, В. Н. Абросимова, датировала этот документ («по содержанию») июнем 1918 г.¹⁷ Г. Ф. Коган фактически солидарна с В. Н. Абросимовой и идет здесь вслед за ней. Однако нам ничего не известно о пребывании Федора Федоровича в Пятигорске летом 1918 г. Он находился там в командировке осенью 1917 г. По-видимому, этим временем и надо датировать черновик телеграммы, когда после переезда из Адлера в Ялту Анна Григорьевна также была очень больна (17 сентября у нее был инсульт¹⁸). Воспоминания З. С. Ковригиной о нежелании А. Г. Достоевской сообщать о своем тяжелом состоянии сыну также служат косвенным подтверждением такой датировки.

Кто же сообщил Ф. Ф. Достоевскому о смерти матери? Существует еще одно интересное свидетельство об этих событиях. Нина Берберова в эссе о последних днях А. Г. Достоевской («Смерть Анны Григорьевны»), написанном, скорее всего, по чужим рассказам, называет интересующее нас имя: «...Она (А. Г. Достоевская на смертном одре. — Б. Т.) замерла так тихо, словно сосна в снегу. В какие-то далекие дали полетели телеграммы Михаила Ивановича...»¹⁹. Но это только имя, фамилия осталась не названной. Мне уже приходилось высказывать предположение, что в эссе Нины Берберовой упомянут тот самый «домовладелец города Ялты Михаил Иванович Филиппов», который, согласно документу, хранящемуся в фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб, предоставил «свой „фамильный“ склеп для погребения усопшей Анны Григорьевны Достоевской»²⁰. Странно, но в переписке А. Г. Достоевской последнего года жизни, опубликованной В. Н. Абросимовой, имя Филиппова ни разу не упоминается. Тем не менее, эта фигура заслуживает самого пристального внимания, так как остается вопрос: кто сохранял вещи усопшей, и в первую очередь архив, до приезда Федора Федоровича?

Остается неясным и то, когда же и как Ф. Ф. Достоевский добрался до Ялты. К сожалению, паспорт не дает ответ на этот важный вопрос: самая ранняя датированная в нем запись — отметка Комиссара Скадовской милиции от 29 июня (или июля) 1919 г.²¹ Но Н. А. Гурьева-Смирнова, кото-

¹⁷ См.: Достоевский и мировая культура. № 14. С. 291.

¹⁸ 15 октября 1917 г. она писала сыну из Ялты: «17-го будет ровно 1 месяц, как я слегла, и я до сих пор еще в постели. Оказывается, что у меня была закупорка головных сосудов и оттого было и беспамятство» (Достоевский и мировая культура. № 12. С. 251).

¹⁹ Эссе опубликовано в 1938 г. в рижской газете «Сегодня»; цит. по: Белов С. В. Жена писателя. Последняя любовь Ф. М. Достоевского. М., 1986. С. 204.

²⁰ Достоевский и мировая культура. СПб., 1999. № 13. С. 265.

²¹ Вообще надо отметить, что все отметки в паспорте сделаны органами Советской власти или Красной армии; естественно, что ни представителям немецких или французских войск, ни соответствующим органам Белой армии выписанный в Москве паспорт Ф. Ф. Достоевский не предъявлял.

рая собирала в Крыму материалы для своей книги «Анна Достоевская», сообщает важный факт (впрочем, с неопределенной ссылкой на источник): «По документам нотариальной конторы города Симферополя <...> сын Достоевского Федор Федорович оформлял наследство <...> 5 ноября 1918 года»²². Существует и еще один подобный документ; он хранится в фондах Государственного литературного музея: это «Указ Ялтинского городского сиротского суда опекуну над имуществом умершей А. Г. Достоевской Ф. Ф. Достоевскому». Датирован он 31 декабря 1918 г.²³ Между этими датами — важнейшие изменения в военно-политической ситуации на Крымском полуострове: в начале ноября Крым еще занимали немцы, в декабре там уже находились войска Антанты.

С 31 декабря 1918 г. в итинерарии Ф. Ф. Достоевского вновь лакуна. Но есть основания полагать, что дело об утверждении нотариального завещания затянулось и задержало Федора Федоровича в Крыму еще на полгода. Как свидетельствует заграничный паспорт, лишь в июне (или даже еще позднее) 1919 г., завершив все дела по наследству, он оставляет Крым и перебирается в черноморский порт Скадовск (в 82 км к юго-востоку от Херсона). На странице 8 появляется первая после выезда из Москвы запись: «Явлен Комиссару Скадовской милиции Июня (Июля?) 29 дня 1919 года (подпись). Порт Скадовск, Таврической губернии, Днепровского уезда». Скадовск называет в своих воспоминаниях и Л. С. Михалыч: «Когда в августе 1918 г. он (Федор Федорович. — Б. Т.) уехал в Крым хоронить свою мать, то обстоятельства задержали его в Крыму почти на три года. <...> Все это время он занимался тем, что перевозил зерно из порта Скадовска в Одессу»²⁴.

²² Гурьева-Смирнова Н. А. Анна Достоевская. С. 330.

²³ См.: Описание рукописей Ф. М. Достоевского. С. 550. Этот документ требует тщательного анализа, так же как и хранящееся в РГАЛИ «Дело Симферопольского окружного суда об утверждении нотариального завещания А. Г. Достоевской» (см.: Там же. С. 546).

²⁴ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. С. 143. «Все это время» — сказано, конечно же, фигурально. Надо представлять себе, что в Одессе (да и в Скадовске) за эти годы неоднократно менялась власть: до апреля 1919 г. в Одессе стояли французские войска, с апреля по август была восстановлена Советская власть, 23 августа город заняла армия Деникина и удерживала его до 7 февраля 1920 г. Затем в Одессу, и уже окончательно, входит Красная армия. Таким образом, время «хлебной негодии» Ф. Ф. Достоевского, по-видимому, необходимо ограничить лишь второй половиной 1919 г. Отметим, что в начале 1920 г. сын писателя вновь в Крыму. О встрече с ним вспоминает в своих неопубликованных мемуарах его племянница О. А. Фальц-Фейн. Встреча (последняя в их жизни) произошла в Севастополе, когда Ольга Фальц-Фейн на пароходе «Николай II» Русского общества торговли и промышленности направлялась со специальной миссией в Одессу: «Когда этот пароход вечером отплывал от берегов Севастополя, — вспоминает мемуаристка, — Федор Федорович, провожая меня, стоял на берегу и говорил: „Ляличка (он так называл меня), не беспокойтесь за меня. Те, которые теперь становятся во главе правительства, — они мои соученики по школе и мне будет не плохо...“» (Цит. по: Письма из Maison Russe. С. 246). Дату О. А. Фальц-Фейн не называет, но по контексту событий — это начало февраля 1920 г., так как дальше она сообщает: «Когда мы прибыли в Одессу, то оказалось, что уже неделя как прервалась телефонная связь. Я застала там полную и последнюю эвакуацию». Значит, это канун вступления Красной армии в Одессу.

Но почему же именно Скадовск? До революции этот порт принадлежал родственникам Достоевских. Племянница жены Ф. Ф. Достоевского Ольга Александровна Фальц-Фейн была замужем за Львом Сергеевичем Скадовским — сыном владельца порта, статского советника и камергера С. Б. Скадовского. В прежние годы Ф. Ф. Достоевский с семьей неоднократно гостили в Скадовске. В начале октября 1917 г., расставшись с мужем в Пятигорске, сюда перебралась жена Федора Федоровича, Екатерина Петровна, с детьми Андрюшей и Федиком. Еще раньше в Скадовск приехали А. П. Фальц-Фейн, сестра Екатерины Петровны, и их мать Екатерина Александровна Цугаловская. Так что зафиксированный в документе переезд из Крыма в Скадовск был обусловлен семейными обстоятельствами.

Но была, по-видимому, и еще одна, не менее серьезная, причина. В связи с невозможностью вернуться в Москву остро встал вопрос об изыскании средств к существованию. Как уже было сказано выше, в воспоминаниях Л. С. Михаэлис, выбор Ф. Ф. Достоевского пал на морские поставки хлеба. Продолжим оборванную цитату: «Зерно перевозилось морем на барже. Сам он тоже ездил вместе с баржой. Раза два это ему чуть не стоило жизни, когда во время бури их баржу уносило далеко в море, к болгарским берегам, и они днями и даже неделями вынуждены были без воды и пищи скитаться в море»²⁵. Где же в это время находился вывезенный из Ялты архив, другое оставшееся после смерти матери имущество? Конечно же, под присмотром Екатерины Петровны. В сложившихся условиях более надежный вариант трудно было и придумать. Причем кроме личных качеств Е. П. Достоевской, женщины волевой, твердой, ответственной, сыграло свою роль в решении Федора Федоровича, видимо, и то обстоятельство, о котором вскользь упоминает Г. Ф. Коган. Обращу здесь дополнительно внимание на хронологию: за два месяца до того, как Ф. Ф. Достоевский перебрался в Скадовск, — 5 мая 1919 г. Екатерина Петровна с детьми получили «охранную грамоту» Скадовского Совета. Этот уникальный документ, который уже не однажды был в печати, тем не менее заслуживает, чтобы его воспроизвели полностью, в том числе со всеми орфографическими и пунктуационными особенностями:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ № 626

Предъявитель сего, Екатерина Петровна Достоевская, согласно предъявленных ею документов [далее следует перечень документов, среди которых не последнее место занимает удостоверение Московского Дворянского Депутатского Собрании] является женой Федора Федоровича Достоевского — сына знаменитого русского писателя Федора Михайловича, старого Революционера, арестованного в 1849 г. при царе Николае Павловиче за „злоумышленное“ выступление против государственно-исторического строя вместе с другими революционерами и был приговорен к смертной казни через расстреляние. Уже на эшафоте, когда подали команду стрелять — приговор был смягчен. Федор Михайлович Достоевский получил 4 года каторги. А в 1881 году 28 января он умер и унес с

²⁵ Волоцкой В. М. Хроника рода Достоевского. С. 143.

собой живого защитника обездоленных, но оставил нам свои неочтенные труды для дальнейшего перевоспитания человечества. Глубоко уважая память товарища Ф. М. Достоевского, просим не стеснять его прямых родственников, внуков, отпрысков борца за свободу человечества.

Председатель (подпись)
Секретарь (подпись)²⁶.

Как установил А. Ф. Достоевский, автором этого уникального «Удостоверения» был председатель Скадовского Ревкома Михаил Андриец²⁷. Выражаясь сегодняшним языком, более капитальную «крышу» трудно себе и представить. По-видимому, для Федора Федоровича, личные отношения которого с Екатериной Петровной складывались в последние годы напряженно (в Москве он оставил гражданскую жену Леокадию Михаэлис), именно это обстоятельство стало определяющим²⁸.

Итак, архив был под надежным надзором²⁹. Но сам Ф. Ф. Достоевский рисковал жизнью не только в открытом море. Г. Ф. Коган приводит рассказ из берлинской газеты «Руль» о ночном аресте сына Достоевского в Симферополе. Рассказ впечатляет. Но когда происходил этот инцидент? По контексту заметок Г. Ф. Коган, чуть ли не осенью 1918 г., когда Федор Федорович только-только приехал в Крым. Однако, как я уже отмечал выше, в ноябре 1918 г. в Ялте еще находились немцы, а в декабре в город вошли войска Антанты. Позже Крым занимали войска Деникина и Врангеля. Красная армия вступила на полуостров лишь в середине ноября 1920 г. И публикация в газете «Руль» прямо начинается с того, что «...похоронив мать, Федор Федорович остался в Крыму, где попал после эвакуации Крыма армией Врангеля в руки большевиков»³⁰. Заграничный паспорт сына писателя, пусть и косвенно, подтверждает этот мемуар и позволяет достаточно точно локализовать его хронологию.

На той же 8 странице паспорта, что и отметка Комиссара Скадовской милиции, есть еще одна запись, заверенная выцветшей круглой печатью Регистрационного Бюро Особого отдела 46-й дивизии: «Зарегистрирован. 10 / XII — <1>920. № 390. Комендант Регистрацион<ного> Бюро (под-

²⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. 85, оп. 1, ед. хр. 139, л. 7 (нотариально заверенная копия; подлинник хранится в Музее Ф. М. Достоевского в Москве, куда был подарен внуком писателя А. Ф. Достоевским).

²⁷ См.: Коган Г. «Охранная грамота» Достоевских // Вопросы литературы. 1965. № 3. С. 252–253.

²⁸ Тут дополнительно надо учесть, что летом 1919 г., когда в паспорте Ф. Ф. сделана отметка Скадовской милиции, Крым занимала армия Деникина, но сын писателя перебирается в Скадовск, где установлена Советская власть. Это также подтверждает резонность приведенных выше аргументов.

²⁹ Подчеркнем особо это обстоятельство: в 1919–1920 гг. хранителем архива была Е. П. Достоевская. Достоверно установлено, что после кончины Федора Федоровича какая-то часть семейной переписки Достоевских, другие документы, оставшиеся в Ялте после А. Г. Достоевской, находились в распоряжении Екатерины Петровны, жившей с 1920 г. в Симферополе. Что еще из ялтинских материалов могло остаться у Е. П. Достоевской? Какова их судьба? Это — сюжет другого исследования.

³⁰ Цит. по: Белов С. В. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь. СПб., 2001. Т. 1. С. 280.

пись)». Особый Отдел — это уже большевики. И можно предположить, что именно здесь произошел тот эпизод, о котором рассказано в заметке «Сын Достоевского (Страничка воспоминаний)», увидевшей свет в газете «Руль» 18 августа 1926 г. Заметим в этой связи, что отметка Регистрационного Бюро Особого Отдела 46 дивизии, действительно, сделана в паспорте Ф. Ф. Достоевского *через три недели после оставления Крыма врангелевской армией*. Правдоподобным представляется и место действия — Симферополь. Известно, что, предполагая эмигрировать из России вместе с оставляющей Крым Белой армией, Е. П. Достоевская с детьми и А. П. Фальц-Фейн спешно, на большой мажаре (подводе) переезжают из Скадовска в Крым, но опаздывают буквально на один день и после этого 20 с лишним лет живут именно в Симферополе³¹. Вновь зададимся вопросом, где находился архив, когда особисты 46-й дивизии ставили Ф. Ф. Достоевского к стенке? И не к Екатерине ли Петровне с детьми приехал Федор Федорович из Ялты, где он жил с 23 ноября 1920 г., о чем также находим свидетельство в его заграничном паспорте³²?

С уходом врангелевской армии из Крыма гражданская война на юге России закончилась. Настала пора думать о возвращении в Москву. Но перемещение частных лиц по дорогам еще не пришедшей в себя после кровавой бойни страны было не безопасно. Особые опасения вызывала сохранность архива. Неоднократные попытки Ф. Ф. Достоевского выехать из Крыма через Одессу заканчивались неудачей. Все говорило о том, что надо заручиться поддержкой в высоких московских кабинетах. Обнаруженное Г. Ф. Коган в РГАЛИ письмо сына писателя к А. И. Сумбатову (Южину) показывает, что Ф. Ф. Достоевский действовал именно в этом направлении. Исследовательница объясняет и то, почему Федор Федорович обращается именно к А. И. Сумбатову. Но какова дальнейшая судьба этого письма? Сыграло ли оно какую-нибудь роль в возвращении сына писателя из Крыма? Существует один малоизвестный документ, который является ответной реакцией А. В. Луначарского на получение известия о сложном положении Ф. Ф. Достоевского в Крыму. Это телеграмма от 4 июля 1921 г. наркома просвещения в симферопольский Ревком, обнаруженная в 1984 г. Г. Л. Боград в Государственном архиве Крымской области:

«Симферополь Ревком Москвы Прошу вас оказать возможное покровительство Федору Федоровичу Достоевскому сыну великого писателя живущему в Красноармейске Нарком по просвещению Луначарский»³³.

В письме А. И. Сумбатову Ф. Ф. Достоевский упоминает о том, что он обратился к Луначарскому и непосредственно. Мы не знаем, что и как написал он в письме, направленном напрямую в наркомпрос (и вообще, дошло ли до адресата это письмо). Но надо заметить, что после слов из

³¹ См.: Письма из *Maison Russe*. С. 41, 244–245.

³² 23 ноября 1920 г. сделана отметка о прописке в доме № 3 по Мееровской улице, 1 февраля 1921 г. — в доме № 1 по Татарской улице.

³³ Боград Г. Л. Письмо Достоевского // Ленинградская правда. 1985. 15 февраля.

письма А. И. Сумбатову, с одной стороны, о категорической необходимости официального «вызова», с другой — что дело касается бесценного архива Ф. М. Достоевского, более чем лаконичная телеграмма наркома представляется формальной отпиской. Возможно, так это и расценили в Крымском Ревкоме. Во всяком случае, реакция в Симферополе далеко не была оперативной. Лишь 12 июля председатель Крымского Ревкома в свою очередь направляет телеграмму в Красноармейский Уревком:

«По просьбе Наркомпроса Луначарского предлагаю оказывать всяческое содействие и покровительство Федору Федоровичу Достоевскому сыну великого писателя и выдать ему охранную грамоту неприкосновенности имущества и квартиры»³⁴.

Была ли выдана затребованная «охранная грамота» Ф. Ф. Достоевскому? Это неизвестно. Во всяком случае, в отличие от «охранной грамоты», выданной Скадовским Советом Екатерине Петровне Достоевской, в распоряжении исследователей такого документа нет. И дальнейшее развитие событий в Крыму, о котором сообщает Г. Ф. Коган, — новый арест Федора Федоровича железнодорожной ЧК в Севастополе — заставляет сомневаться, что такой документ существовал. Отмечу, что этот рассказ об аресте на железной дороге слышал от внука писателя и петербургский литературовед С. В. Белов³⁵. Как указала Г. Ф. Коган, история с конфискованным чемоданом получила огласку в подсоветской печати. В 1922 г., уже после смерти Федора Федоровича, В. Е. Чешихин-Ветринский в заметке «Архив писателя», опубликованной в альманахе «Утренники», вскользь упомянул о том, что «часть <...> материалов (оставшихся в Ялте после кончины А. Г. Достоевской. — Б. Т.) была в руках сына — Ф. Ф. Достоевского. Летом прошлого года чемодан с этими материалами **попал в руки особого отдела чрезвычайной комиссии в Севастополе и по хлопотам Исторического музея доставлен в Москву**, в его распоряжение»³⁶. То, как ситуация описана в этой заметке, совпадает с рассказом А. Ф. Достоевского: Федор Федорович, действительно, вернулся в Москву без архива. Чемодан с рукописями был доставлен чекистами в Исторический музей позднее. И я всемерно поддерживаю инициативу Г. Ф. Коган: эта история с конфискацией архива в Крыму, бесспорно, заслуживает более подробного изучения. Недавно нами (Музеем Ф. М. Достоевского в Петербурге) был направлен запрос в Центр общественных связей ФСБ с просьбой помочь в розысках материалов дела 1921 г. об аресте Севастопольской ЧК сына писателя и конфискации чемодана с рукописями. Но ответ пока еще не получен.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Т. 1. С. 281.

³⁶ Утренники. Пг., 1922. Кн. 1. С. 128. Об «отобранном местной чекой ящике с рукописями у сына Достоевского — Федора Федоровича, ныне покойного, в Севастополе, содержание которого (ящика. — Б. Т.) присоединено к основному собранию Московского Исторического Музея», писала также эмигрантская пресса (Бем А. Л. Концессия на писателя Судьба литературного наследия Достоевского // Последние новости (Париж). 1925. 14 мая. № 1550. С. 3.

Когда произошел описанный инцидент с железнодорожной ЧК? Л. С. Михаэлис сообщила М. В. Волоцкому, что Федор Федорович «смог опять возвратиться в Москву» лишь в июне 1921 г.³⁷ Не значит ли это, что телеграмма А. В. Луначарского от 4 июля, направленная в ответ на письмо, написанное в начале мая 1921 г., пришла слишком поздно, уже тогда, когда сын писателя был в Москве? Такой ход событий нельзя исключать. В этом случае отпадает вопрос, почему Федор Федорович был арестован в Севастополе, *несмотря* на «охранную грамоту» Красноармейского Уревкома: ее к этому времени у него еще просто-напросто не могло быть. Но возможно, что ошиблась в дате и Л. С. Михаэлис: возвращение в Москву надо датировать не июнем, а июлем 1921 г.

В письме к А. И. Сумбатову Ф. Ф. Достоевский упоминал, что часть рукописного архива отца находится также в Петрограде. Мы помним, что на Фуриштатской ул., в доме № 27, им в 1917 г. была оставлена опечатанная квартира, которую в его отсутствие рабоче-крестьянская власть реквизировала и вселила в нее семью большевика М. Я. Игнатова. Побывал ли, вернувшись с юга, Федор Федорович в Петрограде? По всей видимости, нет. Надо полагать, ему помешала в этом тяжелая болезнь, начавшаяся у него вскоре после возвращения из Крыма. Но такое намерение, и обусловленное именно обеспокоенностью за судьбу рукописного наследия Достоевского, у него, бесспорно, было. Указание Г. Ф. Коган на черновик «Заявления» Ф. Ф. Достоевского, опубликованный в 1994 г. Т. И. Орнатской в примечаниях к Записной книжке А. Г. Достоевской 1881 г., устанавливает это вполне определенно. Обращу внимание, что Г. Ф. Коган, не акцентируя этого в своем сообщении, фактически полемизирует с Т. И. Орнатской, ошибочно датировавшей этот черновик 1918–1919 гг. В контексте всех приведенных и в статье Г. Ф. Коган и в моих заметках фактов такая датировка представляется совершенно невозможной. Документ, бесспорно, составлен во второй половине 1921 г.

Но в одном пункте я должен вступить в полемику уже и с самой Г. Ф. Коган. К кому обращено это ходатайство? Документ не дает ответа. В заглавии его лишь значится: «Федора Федоровича Достоевского / Заявление». Г. Ф. Коган полагает, что «Заявление» адресовано в Исторический музей. Но это не так. В самом тексте документа сын писателя отмечает: «Администрация (Исторического. — Б. Т.) музея вполне разделяет мое мнение и просит меня возможно немедленно приступить к розыску и сбору оставшихся материалов»³⁸. Значит, «Заявление» обращено, по-видимому, в какие-то более высокие инстанции. Может быть, опять к тому же наркому просвещения А. В. Луначарскому? Или Федор Федорович сам не знал, к кому обратиться с такой просьбой, и написал лишь черновую заго-

³⁷ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. С. 143.

³⁸ Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 243.

товку — без указания адресата? Ведь документ так и не был направлен по назначению. Он остался в архиве Ф. Ф. Достоевского и, как указывает Г. Ф. Коган, много позже его смерти был передан в московский Музей Ф. М. Достоевского Леокадией Михаэлис. Возможно также, что это «Заявление» осталось без движения потому, что опять началась та тяжелая болезнь, которая уже не отпустила Федора Федоровича и в первые дни 1922 г. свела его в могилу³⁹. Как знать.

Завершая эти заметки о последних годах жизни Ф. Ф. Достоевского, возникшие в связи с чтением сообщения Г. Ф. Коган, приведу документ, который в полном объеме еще никогда не был в печати. Это свидетельство о смерти сына писателя, обнаруженное мною в фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб:

«Отдел записей актов гражданского состояния
Городской р-н, г. Москва

1922 год
Вторичная

| | |
|---|---|
| № записи 228 (общий) | |
| Число, месяц совершения записи | 5 января 1922 г. |
| Пол умершего | мужской |
| Фамилия и имя умершего | Достоевский Федор Федорович |
| Возраст | 51 г. |
| Число, месяц и год смерти | 4 января 1922 г. |
| Место смерти | 31 отд. мил<иции> [так] б. Сухарев<ка>, д. 7, кв. 7 |
| Семейное положение | — |
| Причина смерти | Миокардит |
| Фамилия, имя и подробный адрес врача, выдавшего свидетельство о смерти, а также № свидетельства | Удостоверение> врача <нрзб.> Главн. <нрзб.> от 5 / I <19>22 <г.> № 37 |
| Кем сделано заявление о смерти | Петр Юльевич Левенштейн, Хлебный пер., д. 12, кв. 20 |
| Место погребения | Ваганьковское кл<адбище> |
| особые примечания | исх. № 957 от 26 / VI <19>24 <г.> (Печать, подписи)» ⁴⁰ |

³⁹ Ни в биографической, ни в мемуарной литературе нет об этом никаких упоминаний, но хочу обратить внимание, что Ф. Ф. Достоевский умирает через два с небольшим месяца после смерти в Крыму, в Симферополе, в 16-летнем возрасте его старшего сына Федика (умер 14 / 27 октября 1921 г. от брюшного тифа, осложнившегося менингитом). Возможно, обострение старой сердечной болезни (миокардит), которая и послужила причиной смерти Федора Федоровича, было вызвано получением известия о кончине сына.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб, ф. 85, оп. 1, ед. хр. 138.

Свидетельство выписано летом 1924 г., когда Екатерина Петровна Достоевская приезжала из Симферополя в Москву. Тогда же она посетила могилу мужа на Ваганьковском кладбище: деревянный крест, поставленный на могиле зимой 1922 г., был похищен — в Москве в те годы было трудно с дровами. Екатерина Петровна нашла мастеров и поставила новый, чугунный крест.

Стоит обратить внимание, что длительное время в биографической литературе указывалась иная дата смерти Ф. Ф. Достоевского — 23 декабря 1921 г.⁴¹ Так датирована, по-видимому со слов Л. С. Михаэлис, смерть сына писателя в книге М. В. Волоцкого «Хроника рода Достоевского» (С. 133). Очевидно, что эта дата дана по старому стилю, причем с ошибкой в один день: должно быть — 22 декабря. Ошибку можно объяснить тем, что, скорее всего, Федор Федорович умер в ночь с 4 на 5 января 1922 г. (то есть с 22 на 23 декабря 1921 г. по старому стилю). Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что врачебное свидетельство № 37 выписано 5 / I. 1922 г. (см. выше). Тождественно и в заграничном паспорте сына писателя, на странице 9 (последняя по времени запись) также значится, что смерть «гражданина Федора Федоровича Достоевского», «умершего 4 / I. 1922 г., зарегистрирована Местным Отделом записей актов гражданского состояния в Административном Отделе Городского района г. Москвы 5 / I. 1922 г. на стр. 2 в Книге смертей за I. 1922 г. под № 227 (?). (Подпись, печать)».

⁴¹ Правильная дата (с указанием источника) впервые указана мною в публикации: *Тухомиров Б. Н.* Материалы к родословной Достоевских // *Достоевский и мировая культура.* СПб., 1998. № 11. С. 191, 196.